

Нона ТУМАСОВА

г. Москва

Мы в пути уже второй день. Но теперь я не один. Да, я могу так сказать, потому что мы больше не солдаты, мы больше не товарищи. Из моего взвода и так никого не осталось, а после сдачи я потерял даже тех, кого знал хотя бы в лицо.

Мы уже давно миновали руины и теперь идём по открытой заснеженной степи. Где-то под льдом должна быть река. Но мне не хочется вернуться головой, мне не хочется вообще никуда смотреть. Правда, теперь рядом со мной Поли.

Она сама меня нашла, подошла сзади и потянула за рукав. Я оглянулся и увидел невысокого солдатика в длинной шинели, обмотанного платком. Я даже не остановился. Она засеменила рядом, пытаюсь подстроиться под мой шаг. Потом она еще раз потянула меня за руку и заглянула в глаза. И тут я узнал её. Она открыла лицо — и я её узнал.

От неожиданности я чуть не споткнулся, она улыбнулась. Да, она еще могла улыбаться.

А когда я увидел её впервые, она только и делала, что улыбалась... Хотя вообще-то и тогда уже было не до смеха. Но она улыбалась легко и так нежно...

В ноябре я ненадолго попал в лазарет, мне слегка задело ключицу — несколько дней передышки! Она вообще-то работала в прачечной бригаде, но в лазарете тоже помогала. И по-немецки немного говорила. Она сказала мне, что я похож на её брата. По крайней мере, я так понял. «Надеюсь, что твой брат сейчас не в Сталинграде», — я попытался пошутить, но она не оценила шутку.

И вот теперь она идёт рядом, иногда поглядывая на меня, словно боится, что я сбегу. Где она раздобыла форму и почему вообще всё это затеяла, я не знаю. Я не спрашиваю её ни о чём, мы вообще стараемся не говорить, чтобы не тратить силы и тепло — те крохи жизни, что остались где-то внутри.

Я зову её Поли — ведь это похоже на мужское имя, и если кто-то услышит... Хотя никому ни до кого нет дела. Даже нашим конвоирам.

На что она может надеяться? А на что могу надеяться я? И мы все? Прошлую ночь мы провели на снегу — прямо здесь, в открытом поле.

Конвоиры разожгли костры.

А я лёг в снег и приготовился умереть. Наверное, я бы и умер, если бы не Поли. Она несколько раз расталкивала меня, заставляла разуваться и растирать ноги, шевелить руками и двигаться, чтобы не замёрзнуть насмерть.

Ещё до рассвета нас подняли, и мы возобновили наш путь. Где конец? И есть ли он вообще? Может, нас всех просто хотят тут заморозить?... Тогда нет никакого смысла мучиться. Сколько я смогу пройти? Об этом лучше не думать. Лучше вообще не думать. Хотя нет, так тоже плохо.

Я думаю о Поли.

Я был с нею всего один раз. У меня уже начала заживать моя ключица, и мы вместе пробрались в заваленный подвал через отдушину в фундаменте дома. Там слабо держались кирпичи, их можно было расшатать и вытащить. Поли смогла пролезть без особого труда, а я снял шинель и протиснулся за ней. Потом проём я заставил какой-то рухлядью — стало темно.

Она не шевелилась, и я видел только её во-

лосы светлым ореолом вокруг головы. И чувствовал её взгляд.

Она казалась немного испуганной. И вдруг я тоже испугался. Я стоял как дурак, не решаясь даже к её пальто притронуться. Но потом она приблизилась вплотную, совсем близко, прижалась ко мне, и я почувствовал её грудь сквозь ткань её платья и своей формы. Я обнял её за плечи и поцеловал волосы. Они почему-то пахли одуванчиками.

Поднялся ветер, в лицо несёт острыми, как иглы, крошечными льдинками. Поли стала отставать, я испугался, что она потеряется, взял её руку. Она старается, боится, как бы мне не пришлось её тянуть. Нет, лучше, чтобы она шла сзади, след в след, так ей будет легче.

Я избегаю смотреть на тела, которые остались лежать в снегу. Главное, не споткнуться. И если упадёт Поли, я не уверен, что смогу её поднять.

...Мы лежали на моей шинели, укрывшись её пальто. Я мог бы так всю жизнь прижимать к себе её лёгкое тело, она дышала, и я чувствовал это кожей. А ещё я чувствовал себя виноватым — я причинил ей боль и не знал, как это загладить. Мне даже показалось, что она плачет. Я наклонился к её лицу — нет, она не плакала, но она, видимо, замёрзла, стала натягивать сорочку.

Послышалась стрельба — надо выбирать место отсюда. Но как же я не хотел её отпускать! Я стиснул её, прижал к себе сильно-сильно, чтобы почувствовать её тело каждой клеточкой. Она пискнула и засмеялась, сама обняла меня и поцеловала. Я стоял, чувствуя, что сердце сжимает в тиски, ведь мы скорее всего больше никогда не увидимся и точно никогда не сможем быть вместе.

Поли совсем ослабела, она тяжело дышит, на лбу испарина. Мы начинаем отставать. Я пытаюсь поддержать её, она цепляется за мой рукав, с каждым шагом она становится тяжелее.

Нам надо обязательно продержаться до привала. Ночь на снегу почти равнозначна смерти, но возможность полежать сейчас кажется чересчур желанной.

Мы остановились. Я сам выбился из сил, не могу её тащить. Кажется, конвоир обратил на нас внимание. Я закрываю глаза, остаётся одно — молиться. Слышу скрип уверенных шагов. Поли отпускает мою руку, она делает шаг вперед, потом

другой, третий. Я тороплюсь догнать её. Плохо дело, мне удаётся это не так легко, как я думал.

Я вдруг почувствовал раздражение. Я злюсь на Поли. И эта злость ужасает меня. Я не имею права думать, что без неё мне было бы легче, не имею никакого права так думать.

Мы опять идём рядом. Она молчит, не смотрит на меня. Вдруг она почувствовала, о чём я подумал? Мне хочется взять её руку, но я не решаюсь, в движении нельзя отвлекаться, на это уходит слишком много сил.

Я решил помогать Поли мысленно. Теперь я иду за ней след в след и стараюсь двигаться синхронно, это как в строю — идущие рядом с тобой в одном ритме как будто помогают. Слава Богу, ветер стих.

Объявили спасительный привал. Спасительный или губительный?.. Сколько человек не встанет утром? Половина из нас? И чем мы заслужили такую участь? Господь теперь за русских.

Хорошо бы пробиться поближе к костру, который разжигают охранники. Поли очень бледна. Она совсем белая, под глазами страшные чёрные круги. Если бы можно было дать ей хоть глоток горячей воды... Но об этом нет смысла даже думать.

Четверо русских солдат кипятят что-то в котелке. Если даже помотришь в их сторону, они могут выстрелить. Я подумал — может, сказать им о том, что Поли девушка, к тому же русская? Но она качает головой и смотрит так, что я сразу отказываюсь от подобных планов.

Я снимаю с Поли рукавицы и грею пальцы. Хорошо бы растереть её всю, но это невозможно. У меня самого руки не гнутся. Всё-таки удаётся немного согреть её. Я пытаюсь разглядеть лицо Поли в темноте.

— Посмотри на меня, — прошу я, — пожалуйста, посмотри на меня...

Я наклоняюсь к ней совсем близко, иначе не понять, что она дышит. Хочется сказать ей что-то, но что?

— Мы сейчас поспим, — шепчу я, — наберёмся сил... А утром обязательно станет теплее.

Я обнимаю её, мне уже на всё плевать:

— Я люблю тебя, Поли, я тебя люблю. Ты это знаешь? Ты понимаешь меня?

Я почувствовал — она улыбнулась. А у меня потекли слёзы — ненавижу себя за это.

Поли проводит рукой по моей щеке и что-то

говорит по-русски. Мне стало спокойнее от её голоса. И, кажется, я заснул.

Поли мертва. Она лежит. Она почти такого же цвета, как снег. И еще более неподвижная. Даже её шинель стала белесой.

Я стою на четвереньках, склонившись над ней.

Нам скомандовали подъём, но я не могу пошевелиться. Я очень хочу встать и не могу. Кто-то спотыкается об меня, я слышу грязное ругательство. Подходит охранник, я смотрю на его ноги. Неужели я умру прямо сейчас? Он трогает своим валенком голову Поли.

Почему-то он не стреляет, хотя затвор пере-дёрнул. Ожидание уже невыносимо, давай же скорее.

Внезапно он бьёт меня ногой под зад, я опускаюсь на снег, жду выстрела в затылок, но, видимо, у «моего» охранника сегодня именины, он ещё раз слегка пинает меня и тычет в лицо дулом автомата — «Вставай!» Я поднимаюсь и иду вперед, не оглядываясь.

Я иду один в гулкой тишине. Может, я оглох — думаю я мельком, но это меня совершенно не беспокоит. Главное — я могу идти. Я думаю только об этом. Я даю команды своим мышцам — сокращаться, своим коленям и стопам — сгибаться, и они слушаются меня. Пока слушаются.

Очень холодно, холоднее, чем раньше. Выглянуло солнце, и воздух странно заискрился, засветился. Вокруг меня словно сияющая пыль. Я удивляюсь тому, что могу замечать такие вещи.

Почему-то мне стало легко идти, и я вдруг обнаружил, что щёки залиты слезами. Но мне всё равно, заметит кто-нибудь это или нет. Хо-

тя по сторонам почему-то нет людей. Неужели я так сильно отстал?

Внезапно я увидел перед собой Поли. Она лежала на дороге в той же самой позе, как заснула, на боку.

Я встал перед ней как вкопанный. Этого не может быть, это не она. И в то же время я ясно видел, что это именно она — её красные рукавицы и тонкий неформенный ремешок, светлые волосы выбились из-под платка.

Как это можно объяснить? Или я ошибся, она была жива и смогла догнать меня? Я не в силах рассуждать. Я стою над ней и смотрю на белое заиндевевшее лицо.

«Сейчас получишь пулю», — говорит мне мой спасительный здравый смысл. Но я не думаю шевелиться. Пулю я не заслужил, я ведь стою на ногах. Я могу идти... Просто... Она вернулась.

Я вдруг понял — я не попросился с ней, и она вернулась, чтобы я смог это сделать.

— Поли! — я удивляюсь, что мой голос звучит так громко. — Мне надо идти. Я знаю, что ты мёртвая. Прости меня, я сейчас уйду...

Я подождал немного, чтобы не быть совсем не вежливым, и повернулся. Передо мной широкое улыбающееся лицо, щёки на этом лице сияют румянцем, а глаза смотрят на меня самодовольно.

Солдат делает шаг назад и снимает через голову ремень своего ППШ.

Мне совсем не страшно. Я знаю: она хотела именно этого, чтобы мы навсегда остались вместе. Я тоже этого хочу.

Москва, июль 2010 г.

Нина АНИСОНЯ (Нона Тумасова)

родилась в Красноярском крае,

окончила филологический факультет университета.

Некоторое время жила в Грузии.

Публиковалась в газете «Вечерний Тбилиси»,

журнале «Слово»,

интернет-ресурсах.

Живет в Москве.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2010» в номинации «Проза».